

БИБЛИОТЕКА ГВА

серия
БИОГРАФИИ

Ричард КОБДЕН

 Социум

Сборник Ричард Кобден

Серия «Библиотека ГВЛ: Биографии»

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54857523
Ричард Кобден: Социум; Москва ; Челябинск; 2020
ISBN 978-5-91603-644-2

Аннотация

Ричард Кобден (1804-1864) английский политический деятель, лидер движения за свободу торговли в Англии в середине XIX в. Один из организаторов и наиболее ярких ораторов Лиги за отмену хлебных законов, суть деятельности которой лучше всего сформулировал один из участников тех событий Дж. Томсон: «Если в будущем люди захотят знать, возможно ли разрушить предрассудок, поддерживаемый властью и защищаемый богатством, рангом и подкупом; если они спросят себя есть ли какая-нибудь надежда опрокинуть такое зло постоянными усилиями и самопожертвованием, то им укажут на страницы, где записана история лиги против хлебных законов».

В данный сборник включены два биографических очерка Кобдена, написанные русскими авторами рубежа XIX–XX вв. П. Г. Мижухевым и Г. Афанасьевым, а также речи Кобдена, произнесенные им в парламенте и на митинге перед своими избирателями.

Содержание

П. Г. Мижуев	6
I	6
II	13
III	18
IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ричард Кобден

Сборник

Серия: «Библиотека ГВЛ: Биография»

© ООО «Социум», составление, 2005

* * *

Серия «Библиотека ГВЛ» основана в 2005 г. в память об ученом, политике, предпринимателе **Геннадии Викторовиче Лебедеве** (1957–2004)

П. Г. Мижуев Ричард Кобден

I

Европа во время Наполеоновских войн. Детство и юность Ричарда Кобдена

Столетие, которое мы переживаем, наступило при самых неблагоприятных обстоятельствах. Франция после кратковременного существования в качестве Французской Республики попала под деспотическую власть Наполеона, которому после ряда побед над всеми европейскими армиями суждено было навлечь на страну величайшие бедствия.

Наиболее упорного врага Наполеон встретил в английском народе или, вернее, в английской аристократии, в руках которой находилась тогда почти вся государственная власть.

Однако трудно было Англии померяться силами с Наполеоном: Наполеон имел непобедимую и многочисленную армию и незначительный флот. Англия имела громадный флот и незначительную армию, так что в сухопутной борьбе с Наполеоном должна была рассчитывать на союзные правитель-

ства на континенте. В 1805 году Наполеон разбил союзную армию при Аустерлице, а за месяц перед этим английский адмирал Нельсон уничтожил французский флот при Трафальгаре.

Теперь между двумя народами началась борьба косвенная. Франция запретила всем дружественным ей государствам – а после сражения при Аустерлице все европейские государства были в вольной или невольной дружбе с Францией – вести торговлю с Англией: этим Наполеон совершенно основательно рассчитывал уничтожить всемирную торговлю Англии – основу английского могущества. Эта мера нанесла действительно громадный ущерб Англии, но вместе с тем и всем союзникам Наполеона, которые сейчас же почувствовали недостаток во всех товарах, привозимых из колоний, как, например, хлопок, кофе, чай, сахар и т. п.

Наибольшие лишения выпали, конечно, на долю Англии. Дело в том, что Англия принадлежала тогда, как принадлежит и теперь, к наиболее густонаселенным странам; ей поэтому часто не хватало на прокормление собственного хлеба и она покупала его за границей, в России и в Америке. Декреты Наполеона лишили ее заграничного хлеба, дома даже хороший урожай не вполне обеспечивал население, и потому всё время войн с Наполеоном хлеб был, что называется, в цене; землевладельцы наживали таким образом хорошие деньги, несмотря на все бедствия войны.

Надо сказать, что в Англии земля принадлежит большей

частью крупным помещикам, имения которых иногда простираются на десятки верст. В этих имениях земля, кроме господской усадьбы, громадных парков и садов, делится на участки, так называемые «фермы», которые снимаются за известную годовую плату (ренту) «фермерами». Иногда фермы бывают небольшие, и фермеры сами занимаются земледельческим трудом; обыкновенно же фермы бывают весьма значительной величины и все работы выполняются многочисленными наемными рабочими. Таким образом, в Англии земля почти никогда не принадлежит тем, кто ее обрабатывает, ни даже тем, кто ведет на ней хозяйство.

На одной из таких маленьких ферм жил в описанное нами тяжелое время старик-крестьянин с большой семьей, Ричард Кобден. Старик был очень деятелен: кроме земледелия он занимался пивоварением, на нем же лежала обязанность собирания арендных денег со своих односельчан для передачи землевладельцу. Со стариком жил женатый сын Вильям с женой и тремя детьми. В 1804 году у Вильяма родился еще сын, которого в честь деда назвали Ричардом; жизни и деятельности его и посвящена настоящая биография.

Вся семья жила дружно, в доме был достаток, хотя и не было никакого излишка. Время наполеоновских войн было даже выгодно для фермеров и в особенности для землевладельцев, так как за хлеб всегда можно было получить хорошую цену; однако многочисленной семье Кобденов трудно было сделать какие-нибудь сбережения.

Ричарду Кобдену было пять лет, когда умер его дед. Вильям Кобден вовсе не обладал энергией своего отца; он был очень добр, доверчив и не имел той практической сметки и умения распознавать людей, без которых трудно бедному человеку прожить без лишений с большой семьей. Не помогли Вильяму даже благоприятные для фермеров годы войны, ни даже трудолюбие и большой здравый смысл его жены. Сняв в аренду по смерти отца свободный участок земли на окраине деревни, Вильям скоро вошел в долги, и через несколько лет его новая ферма была у него отобрана. Семья между тем увеличивалась, одна беда следовала за другой, но что бывает не часто: мир и любовь не нарушались в несчастной семье. Маленький Ричард уже выучился читать у одной знакомой старушки и по мере возможности помогал отцу, например, пас овец.

Между тем родственники Вильяма Кобдена, жившие в Лондоне и занимавшиеся торговлей, узнав о тяжелом положении семьи, приняли в ней участие и решили приютить одного из детей. Выбор пал на маленького пастуха Ричарда.

Однако прежде чем брать к себе мальчика, они послали его учиться на север Англии в частную школу. Школу, конечно, выбрали подешевле: ученье в ней было весьма плохое, обращение – и того хуже, про пищу же и говорить нечего. Такие школы впоследствии были хорошо описаны английским романистом Чарльзом Диккенсом.

Маленький Ричард оставался в школе с 10 до 15 лет, не

видев за это время ни родных, ни знакомых; бедность отца Ричарда не позволяли ему доставить сыну такого удовольствия. Раз в год начальник школы составлял для мальчика письмо к родителям, в котором выражалась сыновняя любовь Ричарда и перечислялись его успехи; затем это письмо переписывалось молодым Ричардом и посылалось домой.

Пятнадцати лет Ричард окончил свое образование, если только можно так назвать бестолковое учение в Йоркской школе, и поехал прямо на службу к дяде в Лондон. Дядя взял его к себе в качестве приказчика и часто давал чувствовать мальчику, что ему оказывают благодеяние.

Ричард от природы был весьма любознателен и очень любил читать. Будучи целый день занят в магазине, он вставал с зарей и посвящал утренние часы до открытия лавки изучению французского языка. Дяде очень не нравились ни любовь племянника к чтению, ни его занятия французским языком: такие наклонности он находил бесполезными и даже вредными для торговца.

Отношения между дядей и племянником одно время стали так дурны, что молодой Ричард решил было воспользоваться представившимся случаем ехать в Голландию, где ему предлагали место в торговой конторе. Однако его отец воспротивился этому, и Ричард остался в Лондоне.

Надо сказать, что молодой Ричард очень любил своего отца и вообще отличался необыкновенной привязанностью к своим родным. Летом, например, он ходил каждое воскресение

ные пешком за несколько верст от Лондона в одну деревню, находившуюся на полдороге от местожительства его родителей; туда же приходил и отец Кобдена. Сюда всегда стекалась масса народу, так как это было любимым местом прогулки лондонских жителей. Весь день Ричард проводил с отцом, вечером они оба шли в дальнюю дорогу: один – на службу в город, другой – домой в деревню.

Так прошло несколько лет. За это время дядя успел оценить правдивость, трудолюбие и сметливость племянника; он убедился также, что любовь к чтению не мешала молодому Ричарду аккуратно и добросовестно исполнять свои обязанности. Ричард уже получал жалованье и радовался, что может помочь родной семье своим небольшим заработком. Он тщательно записывал все свои расходы, и его записные книжки сохранились до сих пор; в них можно прочесть, какие вещи он дарил родным, какие он покупал книги и т. п.

Отец и мать Кобдена всегда пользовались большой любовью всех, кто их знал. Молодой Ричард совмещал в себе хорошие качества обоих родителей: энергию, сметливость и практичность матери, доброту и сердечность, которыми отличались оба родителя, и в особенности отец. Никакие несчастья не могли лишить бодрости духа мать Кобдена; среди всех своих бед и недостатков она находила еще возможность оказывать услуги своим односельчанам. Когда в деревне началась эпидемия тифа, мать Кобдена охотно ходила помогать делом и советом семьям, где были больные, и, ухажив-

вая за ними, заразилась сама. Надломленный и истощенный организм женщины, матери 11 человек детей, не вынес болезни, и она умерла. Это была ничем не возместимая потеря для и без того уже обездоленной семьи. Трудно описать ее горе; о любви же детей к своей матери можно судить по следующим словам старшего сына Фредерика, которые мы берем из одного его письма: «Наше горе (горе детей по поводу смерти матери) обратилось бы в настоящую муку, если бы мы не сознавали, что никогда и никто из нас сознательно не доставил ей ни одной неприятной минуты».

В том же 1825 году, когда семью Кобденов поразило тяжелое горе – смерть матери, им в первый раз улыбнулось счастье. Лондонский торговец оценил, наконец, ум и характер своего племянника и поручил ему более важное дело: продажу товаров своим провинциальным покупателям, рассеянным по всей Англии.

Как ни ничтожно было это повышение, если принять во внимание будущую государственную и общественную деятельность Кобдена, оно оказалось весьма важным для молодого человека и его семьи, для которой он сделался единственной опорой. С этим повышением, во-первых, увеличился заработок молодого человека. Еще важнее было, однако, то, что вместо скучной и однообразной работы в лавке Кобден теперь должен был разъезжать по всей Англии, и таким образом ему представлялся случай увидеть много интересного.

II

По Англии с товаром

Нечего и говорить, как рад был молодой Ричард своему новому назначению. Его страстная любовь к знанию, не к отвлеченному знанию, а к знанию действительной жизни, нашла, наконец, себе некоторое удовлетворение. Чтение, которым до тех пор усиленно занимался юноша, значительно расширило его умственный горизонт; из его записных книжек мы узнаем, что он около этого времени купил себе сочинения Франклина, только что вышедшие поэтические произведения Байрона и некоторые другие книги, принадлежащие столь же заслуживающим внимания писателям.

Теперь он, кроме того, получил возможность познакомиться с людьми и с жизнью. Благодаря своему открытому характеру, Кобден легко сближался с людьми, которых встречал во время своих путешествий; самые же путешествия приходилось совершать на почтовых или, как это делалось в то время почти повсеместно в Англии, в омнибусах. Тогда еще не было железных дорог; медленное путешествие и частые остановки в пути сближали людей и вызывали их на откровенные разговоры, которые теперь не так возможны при быстрой езде по железной дороге. Ричард Кобден изъездил всю Англию, Шотландию и Ирландию, видел всякого рода людей; слышал самые различные разговоры и

суждения, никогда не упускал случая узнать что-нибудь новое о житье-бытье своих соотечественников. Это время скорее, чем какое-нибудь другое в жизни Кобдена, можно назвать эпохой «образования» для Ричарда – образования самого ценного, того, которое дает сама жизнь даром, но лишь тем, кто серьезно вдумывается в то, что видит и слышит вокруг себя.

Насколько Кобден внимательно наблюдал условия народной жизни во время своих странствий, можно судить по его письмам. Вот что, например, двадцатилетний приказчик пишет своему брату Фредерику из Ирландии, наиболее обездоленной части Английского Королевства: «Жалкие лачуги, которые видишь с дороги, доказывают, что путешествуешь по стране бедной и невежественной, с дурной системой управления. Хотя я проезжал по самой лучшей части Ирландии, все-таки сердце мое сжималось при виде картины всеобщей нужды. В Ирландии нет среднего класса, есть только с одной стороны богачи, с другой – вечно голодные крестьяне. Нам случалось проезжать по местностям, которые носят громкие названия городов, и в этих-то городах я видел свиней, которые ели в той же комнате, где жили их жалкие хозяева; мне даже говорили, что свиньи и ночуют с хозяевами. Сапоги и чулки – это роскошь, о которой не мечтают здесь ни мужчины, ни женщины...»

Многие англичане, кроме Кобдена, видели ирландскую бедность, но ни на кого, надо думать, не производила она

столь сильного впечатления. Впоследствии оказалось, что наблюдения Кобдена во время разъездов по Ирландии с целью продажи товаров своего хозяина имели для этой страны бесконечно большее значение, чем самая продажа сотен или даже тысяч кусков дешевых материй, о которой он должен был хлопотать. Через десять лет после этого первого посещения Кобденом Ирландии появилась его брошюра, часть которой была посвящена описанию Ирландии. Брошюра произвела величайшее впечатление на всю мыслящую часть английского общества, и сердца многих англичан содрогнулись при чтении глубоко верного описания результатов вековых грубых насилий Англии над несчастной страной.

Но не одни экономические вопросы занимали молодого Кобдена. Из тех же писем его к брату видно, как сильна была в нем любовь к литературе и вообще как разнообразны были его интересы. Попав однажды на место рождения величайшего из поэтов Шотландии, Роберта Бёрнса, Кобден так выражал свой восторг брату: «Ты можешь себе представить, но я не могу тебе описать чувств, которые во мне возбуждает сознание, что я хожу по тем самым местам, вижу те самые сцены, среди которых рос великий талант, вызывающий такое восхищение во всем мире».

Читая письма Кобдена, видишь перед собой высокоодаренную натуру, полную страстного, неудержимого стремления ко всему прекрасному, натуру, порывов которой не могла подавить даже пятилетняя работа за прилавком.

Такой же восторг вызывали у Кобдена посещения чудных старинных соборов в разных исторических местностях Соединенного Королевства. «О! Если бы я был богат, – писал, например, Кобден, – и мог бы научиться понимать всю замысловатую красоту этого памятника старины так же хорошо, как я понимаю разные сорта материй. Как бы я был счастлив!» – писал Кобден своему брату по поводу посещения одного старинного собора.

Часто люди говорят таким же образом, часто они желают богатства, чтобы воспользоваться им для развития своего ума, для расширения своих познаний или даже для того, чтобы вполне отдаться на служение какой-нибудь великой и благой цели, не задумываясь над вопросом о хлебе насущном для себя и для своих близких.

Часто люди, повторяем мы, задаются такими целями, но весьма немногие из них, достигнув наконец богатства, сумеют сохранить в себе достаточно свежести ума и чувства, достаточно нравственной чистоты, чтобы сменить одну деятельность, направленную к личному обогащению, другой – к своему умственному просветлению или даже ко благу своих ближних. Как мы увидим ниже, Кобден принадлежал к числу этих весьма немногих.

После нескольких лет службы в качестве такого вечно «странствующего» приказчика, Кобден успел настолько изучить условия торговли дешевыми материями и настолько хорошо зарекомендовал себя всем, что рискнул даже вместе

с двумя друзьями завести самостоятельную торговлю. Дело уладилось легче, чем он ожидал: скоро он нашел фабрикантов, готовых дать в кредит громадные партии товаров на самых льготных условиях – так велико было доверие к знаниям и способностям молодых людей.

III

Заботы о самообразовании молодого и богатого фабриканта. Заботы об образовании рабочих на фабрике. В Швейцарии

С самого начала стремление Кобдена к личному обогащению далеко не носило узкоэгоистического характера. Мы уже знаем заботы молодого Ричарда о родительской семье; теперь же он был особенно полезен быстро старившемуся отцу, дела которого шли все хуже и хуже. Ричард любил в особенности своего старшего брата, который, подобно отцу, терпел везде неудачи. Фредерик ездил даже попытать счастья в Америку, но вернулся ни с чем и совершенно обескураженный. Ричард – в то время еще мальчик в лавке своего дяди – с радостью встретил своего старшего брата и старался вселить ему то же бодрое отношение к жизни, которым отличался сам.

Вот что теперь среди начинающегося благополучия Ричард писал Фредерику: «Я знаю твой характер достаточно хорошо и уверен также, что ты принимаешь близко к сердцу все мои интересы. Я был бы глубоко несправедлив, если бы мог когда-нибудь представить себя в полном счастье без

того, чтобы это счастье не было и твоим. Капризная судьба осыпает благодеяниями менее достойного из нас, но мы исправим ее ошибку, и я прошу тебя считать себя вправе на равную долю во всем, что она пошлет мне». Мы увидим, что слова Ричарда не были только красивой фразой, а выражали сущую правду: любовь Ричарда Кобдена к старшему брату побуждала его иногда даже к совсем неблагоприятным поступкам, последствия которых оказались весьма плачевными для обоих.

Насколько Ричард был искренен в своих обещаниях, можно судить по тому, что, едва организовав сам свое торговое дело, он постарался поставить на ноги брата и дал ему свои последние деньги на основание торговли лесом. Как всегда, у брата дело пошло плохо, и он терпел лишь убытки; но Ричард продолжал помогать ему и ободрять его упавший дух.

Между тем дела Ричарда Кобдена и его компаньонов шли прекрасно: в 1831 году был уничтожен налог на ситцы, они значительно подешевели, вместе с этим увеличился и спрос на них в Англии и за границей. Теперь, после трех лет успешной торговли взятыми на комиссию товарами, Кобден и его компаньоны решили приобрести ситцевую фабрику в Манчестере, где тогда зарождался один из главных центров мануфактурной деятельности в Англии. Случай скоро представился, фабрика была куплена, дела компаньонов пошли очень хорошо, и Кобден понемногу становился весьма богатым человеком. Между тем умер старик Вильям Кобден, и

Ричард уже вполне принял на свое попечение многочисленную семью покойного. Успехи сына сильно радовали старика в последние годы его полной лишений жизни; он умер, сознавая, что есть кому позаботиться о малолетних членах многочисленной семьи.

Занимаясь без устали на фабрике, где число рабочих доходило до 600, Ричард Кобден не погряз совершенно в одном желании наживать деньги. Он находил время много читать, в особенности сочинения по истории Европы, по истории всеобщей литературы, по вопросам народного хозяйства (политической экономии), одним словом, он остался тем же жаждущим знания молодым человеком, каким он был первое время после приезда в Лондон. Вот что, например, пишет 28-летний богатый фабрикант одному из своих братьев в Лондон: «Нельзя ли было бы нам заняться эту зиму математикой? Поищи в книжном магазине Лонгмана какое-нибудь элементарное руководство. Мне бы хотелось также заняться немного латинским языком... Рассчитываешь ли ты на свое терпение? Я думаю, что у меня его хватит... Пусть Генрих (другой брат) берет нынче зимой уроки испанского языка...».

Но и этих забот Кобдену, видно, было мало: занимаясь делами фабрики, следя за воспитанием своих братьев и сестер, работая для собственного самообразования, Кобден находил еще время изучать состояние народного образования в своем отечестве, желая затем сам по мере сил содействовать

распространению знаний в народе.

Купив фабрику в Манчестере, Кобден уже через несколько лет завел при ней школу для детей, причем – трудно этому теперь верится, – ему приходилось убеждать рабочих посылать детей в школу: так мало простой народ понимал в то время пользу образования даже в Англии. Надо сказать, что английское правительство в то время почти ничего не тратило на образование простого народа, предоставляя на волю родителей учить или не учить своих детей. Прошло с тех пор 60 лет, и картина совершенно изменилась: теперь все родители в Англии обязаны под страхом наказания посылать детей в школы, которые содержит государство и где детей учат даром.

Необходимость народного образования – первый общественный вопрос, по поводу которого говорил публично Кобден. Он с обычным ему жаром отдался этому вопросу и, чтобы убедить, например, своих рабочих в пользе образования, он устроил на фабрике публичный экзамен детей одной из школ г. Манчестера; надо сказать, что фабрика Кобдена находилась не в самом городе Манчестере, а в его окрестностях.

В 1833 году Кобдену пришлось ехать по делу во Францию. Он воспользовался случаем и посетил Швейцарию. Картины горной природы произвели на него неизгладимое впечатление; в письмах брату он хвалит в самых сильных выражениях швейцарские виды, но «еще лучше, – прибавлял он, – швей-

царский народ и его учреждения». Он радовался, видя везде доказательства всеобщего благосостояния, прекрасное земледельческое хозяйство у крестьян, хороший рабочий скот. «Это народ, которым управляют более умело, чем каким-либо другим, и который поэтому наиболее счастливый и благоденствующий на земле», – писал Кобден своему брату.

Через год с небольшим после своего посещения Швейцарии Кобден выпустил первую свою брошюру «Англия, Ирландия и Америка» и вслед за этим, оставив с согласия своих компаньонов Англию, отправился в Соединенные Штаты – государство, которым он интересовался более, чем каким-либо другим, и на которое много рассчитывал, как на великий пример народного управления большой и могущественной нации.

Что же мог сказать ценного своим соотечественникам тридцатилетний фабрикант, получивший самое жалкое образование и дополнивший его лишь урывками путем самостоятельного чтения, занятый с 15 лет заботой о куске хлеба для себя и для многочисленной родительской семьи?

Чтобы вполне оценить значение первых литературных трудов Кобдена, нам надо сначала взглянуть на положение Англии в то тревожное время.

IV

Первые литературные труды Р. Кобдена. Проповедь мирного развития всех производительных сил страны вместо постоянных вооружений и военного вмешательства в распри континентальных государств

Мы знаем уже, что войны Англии с Французской Республикой и затем с Наполеоном были затеей богатых классов Англии, сначала опасавшихся принципов свободы и равенства, составлявших девиз Французской Республики, впоследствии же испугавшихся военных успехов Наполеона. В 1815 году кончились, наконец, наполеоновские войны, и для Европы настала эпоха относительного покоя.

Что же выиграл английский народ от продолжительных наполеоновских войн? Солдат стали отпускать со службы за ненадобностью. Низшие классы в Англии не имеют земли, поэтому отпущенным солдатам надо было поступать в рабочие на фабрики. Но и там нужда в рабочих уменьшилась, так как вместе с прекращением войн на континенте Европы

стали быстро возникать фабрики, вместе с этим уменьшился, конечно, спрос на произведения английской фабричной промышленности.

Налог же на доходы, падавший на богатую английскую аристократию, был после войны немедленно уничтожен. Не довольствуясь, однако, этим облегчением богатых классов, вслед за окончанием войн английский парламент издал закон о пошлинах на привозной хлеб.

Мы знаем, что во время войн с Наполеоном цены на хлеб стояли высокие, так как привоз дешевого русского или американского хлеба в Англию был затруднителен или даже иногда невозможен. Крупные землевладельцы получали все время хорошие доходы со своих ферм и теперь решили искусственно удержать те же цены на хлеб, запретив ввоз иностранного хлеба, пока английский хлеб не достигнет известной, очень высокой цены. Издание такого закона было возможно только потому, что английский парламент состоял тогда почти сплошь из крупных землевладельцев, которые поэтому в законодательных мерах преследовали свои личные выгоды.

Что такое английский парламент¹

Английский парламент есть верховное учреждение, в обязанности которого входит издание законов и управление страной через посредство министров, выбираемых из среды его членов английской королевой. Парламент состоит из двух палат – палаты лордов и палаты общин, называемых иногда верхней и нижней палатой парламента. В первой заседают лорды, герцоги, графы – по большей части владельцы громадных поместий. Они заседают в палате бессменно всю свою жизнь и передают это право по смерти своим старшим сыновьям.

Другая палата – палата общин – состоит из выборных английского народа, который присылает их в палату на семь лет, после чего должны состояться новые выборы. Члены палаты общин, зная, что через семь лет они должны снова являться перед народом для выборов, стараются оправдать доверие своих избирателей и стремятся поэтому исправлять недостатки старых законов и предлагать новые, которые могли бы помочь нуждам народа.

¹ Из кн.: Мижув П. Г. Гладстон. СПб., 1893. С. 8–12.

Для того чтобы новый закон вступил в действие, необходимо принятие его обеими палатами и подпись королевы. Уже несколько столетий английские короли не отказывают никогда в своей подписи, если закон прошел обе палаты, так что несогласие и борьба происходят иногда лишь между последними. Однако в случае настойчивых требований нижней палаты, палата лордов в конце концов уступает, сознавая, что палата общин имеет большее значение в глазах народа, который ее выбрал, и в ней одной лишь видит правильного истолкователя своих желаний.

Число лиц, участвующих в выборе членов нижней палаты в начале этого столетия, было весьма незначительно и не достигало полумиллиона. Упомянутое выше движение к расширению прав английского народа закончилось изданием (в 1832 году) так называемого билля (т. е. закона) о реформе, по которому число избирателей сразу удвоилось и достигло миллиона.

Каждый член палаты может предложить издание нового закона, но эта обязанность лежит преимущественно на министрах, выбираемых королевой в большинстве случаев из среды членов нижней палаты. Королева собственно выбирает лишь так называемого первого министра, или премьер-министра, на котором уже лежит забота найти себе товарищей и разделить с ними все отрасли государственного управления. Первый министр и его товарищи, т. е. остальные министры, составляют так называемый в Англии «каби-

нет»; их иногда называют также «правительством», так как на них действительно лежит все бремя и вся ответственность за управление страной.

Первый министр и его «кабинет», т. е. все остальные министры, остаются до тех пор в своих званиях, пока располагают большинством голосов в палате общин. Непринятие палатой какого-нибудь закона, на котором министерство, однако, настаивает, несогласие парламента на какую-нибудь важную меру «кабинета» влечет за собой отставку первого министра и его товарищей; того же самого парламент или, лучше сказать, палата общин может достигнуть, прямо вотируя (голосуя) недоверие к «правительству».

В таких случаях первый министр немедленно отправляется к королеве и сообщает ей об отставке «кабинета»; королева после этого обращается к одному из наиболее влиятельных противников павшего министерства (т. е. «кабинета»), поручая ему составить новый кабинет, согласно изменившимся взглядам большинства палаты.

Таким образом, в английском парламенте всегда есть по крайней мере две партии: одна, составляющая большинство, в руках которой находится власть, другая – более или менее сходное по своим взглядам меньшинство. Имея возможность высказывать свои мнения в парламенте и критиковать действия кабинета, парламентское меньшинство стремится убедить в правильности своих взглядов, во-первых, остальных членов палаты, а затем и всю страну, зорко следящую

по газетам за всем, что делается в парламенте. Так, меньшинство, твердо уверенное в правильности своих воззрений, рассчитывает рано или поздно склонить общественное мнение страны в свою пользу, т. е. превратиться в свою очередь в большинство, и, следовательно, вместе с этим получить власть в свои руки и тем самым добиться возможности доказать на опыте основательность своих взглядов.

В течение последних нескольких столетий в Англии существуют две главные политические партии – *тори* и *виги*, более или менее соответствующие тому, что в других странах называется *консерваторы* и *либералы*, хотя в Англии эти две партии не так противоположны по своим стремлениям, как в других государствах Западной Европы. Главное отличие между ними состоит в том, что первые, т. е. тори, или консерваторы, склонны сохранять привилегии высших классов общества – богатой английской аристократии, которой принадлежит почти вся земля в Англии, так как там совершенно отсутствует класс крестьян-собственников.

Другая партия – виги, или либералы, охотнее, чем тори, идет навстречу требованиям времени и готова постепенно уничтожать завещанную веками крайнюю неравномерность в распределении поземельной собственности в Англии, так же как и вообще улучшать условия жизни английского народа и всячески содействовать его материальному благосостоянию, подымая уровень его умственного и нравственного развития.

Итак, хлеб дорог, заработки редки. Введение новых усовершенствованных машин еще более уменьшило потребность в рабочих. В это же тяжелое время фабриканты начали усиленно пользоваться дешевым женским и детским трудом: случалось, что семилетние дети работали по 15 часов в день за плату, едва покрывавшую расходы на их пропитание. Тогда в Англии не было еще законодательства о рабочих, которое теперь получило там наиболее широкое развитие и обеспечивает рабочему лучше, чем где-либо, здоровые условия труда и возможность добиться хорошей платы.

Конечно, ввиду описанного положения дел, не было недостатка в возмущениях, в стачках рабочих, не говоря уже о петициях парламенту (так называются просьбы англичан о введении каких-нибудь реформ, подаваемые парламенту и подписанные лицами, сочувствующими этим реформам).

Возмущения подавлялись военной силой, стачки парламент запретил, на петиции не обращал внимания. Недолго, однако, применялись такие меры. Надо отдать справедливость господствующим классам Англии, что они никогда не доводят дела до крайности и в последнюю минуту уступают.

Даже более того: среди той же английской аристократии, которая так ревниво оберегает свои интересы и так эгоистично пользуется своим влиянием на законодательство страны,

среди той же аристократии всегда находятся люди, ставящие себе задачей отмену тех самых законов, которые доставляют выгоды представителям их же класса. Они пользуются неограниченной свободой слова в парламенте, чтобы заставить выслушать свои соображения о необходимости реформ тех самых людей, которым предлагаемые нововведения грозят материальным ущербом или какими-нибудь другими потерями.

Так было, например, с парламентской реформой, увеличившей вдвое число лиц, принимающих участие в выборе членов парламента. Еще в 1792 году, когда английская аристократия, опасавшаяся влияния французских революционных идей, начинала свою беспощадную борьбу с Францией, – в это самое время молодой член парламента лорд Грей предлагал встретить ту же опасность более разумным путем, а именно: расширением прав народа и в первую очередь увеличением числа лиц, имеющих право посылать представителей в парламента и таким образом влиять на ход законодательства родной страны. Грей не имел успеха, но с тех пор не переставал от времени до времени обращаться к парламента с требованием реформы, и наконец, через 40 лет после первого своего предложения реформы, будучи уже 60-летним стариком, Грей дождался-таки своего времени и в 1832 году, будучи первым министром, провел билль (закон) о парламентской реформе через обе палаты.

Мы увидим ниже в течение нашего изложения примеры

такого же настойчивого, непреклонного стремления к достижению намеченной цели: это чисто английская черта, часто наблюдаемая у выдающихся деятелей Англии и в области политики, и в сфере науки, промышленности или торговли. Молодость Кобдена совпала с эпохой громадного возбуждения общественной жизни в Англии перед парламентской реформой 1832 года. В конце следующего десятилетия Кобден сам стал во главе другого общественного движения, одного из самых значительных, если не самого значительного, из когда-либо происходивших на земном шаре, по крайней мере из тех, которые при всей своей громадности никогда не сходили с законной почвы.

Итак, в 1832 году английский народ получил больший чем прежде контроль над законодательством страны; избирателей стало вдвое больше; кроме того, были уничтожены некоторые крупные недостатки самой системы избрания. Одним словом, улучшилась форма правительственной власти, ее механизм: теперь можно было приняться и за улучшение самого содержания правительственных актов, т. е. надо было заставить обновленный в своем составе парламент исправить путем законодательства ряд общественных зол, от которых страдала вся масса английского народа. За это, т. е. за указание парламенту необходимейших реформ, и принялся Ричард Кобден сначала в упомянутой брошюре, а затем и всеми законом дозволенными путями.

В первой своей брошюре «Англия, Ирландия, Амери-

ка» Кобден доказывал, что Англия до сих пор совершенно неосновательно считала своим долгом вмешиваться в европейские дела и вследствие этого часто вела войны, входила в долги, обременяла народ податями, заставляя его в то же время гибнуть десятками тысяч в войнах, истинных причин которых народ понять не мог. Всякая война есть зло, говорил Кобден, исключая войны для самозащиты. Злом были также, продолжал он, войны Англии. Не странно ли нам сокрушаться о несчастьях итальянцев, говорил Кобден, когда у нас на глазах изнемогают от наших собственных несправедливостей ирландцы? Здесь Кобден нарисовал такую картину современного состояния Ирландии, которая должна была произвести и действительно произвела подавляющее впечатление на англичан.

Вы тратите деньги на вооружения, вы боитесь России, говорил далее Кобден; оставьте Россию в покое, пусть она тратит свои средства на армию, вам она не страшна; вам должна быть страшна Америка (Соединенные Штаты) с ее быстро увеличивающимся богатством, с ее просвещенным населением, с ее нарождающимися фабриками и заводами, которые грозят вам опасной конкуренцией. Англия богата своими фабриками и своей торговлей; на улучшение фабрик, на образование рабочих и должно быть направлено наше внимание. Вместо этого мы, англичане, как будто подрядились платить дань лордам-землевладельцам, обложив для этого иностранный хлеб пошлиной, как будто для того, чтобы наш

рабочий голодал и в то же время платил втридорога за то малое количество хлеба, какое позволяет ему купить его скудный заработок. По причине дороговизны хлеба фабриканты должны платить дорого рабочим; от этого приходится продавать дороже товары иностранцам, иностранцы – и в этом случае надо этого особенно опасаться от американцев – перестают покупать у нас фабричные изделия и начинают производить их сами. Рабочие же лишаются и тех заработков, какие они до тех пор имели. Все это очевидное зло, говорил справедливо Кобден, терпелось до сих пор, потому что оно было выгодно лордам-землевладельцам; все это, заключил он, надо теперь уничтожить.

Брошюра Кобдена произвела сильнейшее впечатление и имела громадный успех: в течение года потребовалось три издания. В следующем году Кобден выпустил другую брошюру, в которой еще убедительнее и еще резче доказывает вышеприведенные мысли. Эта вторая брошюра была полна самых горьких истин для англичан и в особенности для англичан высших и средних классов, тем не менее – и это делает большую честь английскому народу, – резкость суждений автора несколько не помешала успеху брошюры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.